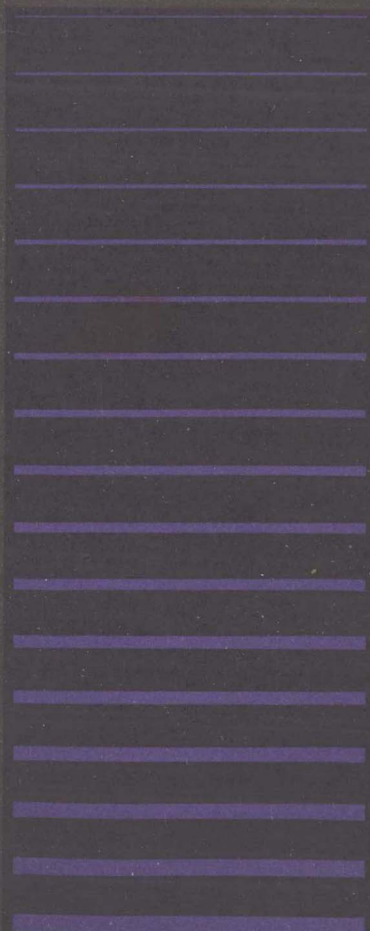

Е. В. КЛОБУКОВ

СЕМАНТИКА ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. КЛОБУКОВ

СЕМАНТИКА ПАДЕЖНЫХ ФОРМ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

(Введение в методику
позиционного анализа)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1986

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор филологических наук,
профессор М.В. Всеволодова,
доктор филологических наук,
профессор П.А. Лекант

Клобуков Евгений Васильевич. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: Введение в методику позиционного анализа. — М.: Изд-во Московского университета, 1986, 118с.

Монография посвящена анализу плана содержания одной из наиболее важных категорий русской грамматики. Автор исследования уточняет круг значений русских падежных форм и излагает основы методики позиционного анализа этих значений.

Книга представляет интерес для специалистов в области русской и общей грамматики, может быть использована в учебном процессе как пособие по спецкурсу, а также при изучении соответствующих разделов общего курса современного русского литературного языка для студентов-филологов.

К $\frac{4602000000 - 175}{077(02) - 86}$ 175 - 86

© Издательство Московского университета, 1986

*Моей матери
Нине Афанасьевне Клубуковой
посвящаю эту книгу*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Падеж занимает особое место в системе категорий русского имени благодаря исключительно высокой степени регулярности формальных противопоставлений и более тесной, чем у какой бы то ни было из именных категорий, связи с формально-смысловой организацией единиц синтаксического уровня. Иногда падеж даже называют категорией "синтаксической" (или одновременно категорией и морфологии, и синтаксиса), что, конечно, неточно: по своим формальным показателям — а именно этот критерий используется при определении статуса категории — падеж, безусловно, одна из "образцовых" категорий русской морфологии. Что касается семантики, то этот план категории падежа весьма сложен, и изучение его остается актуальной задачей русской грамматики.

Нужно отметить, что многое в изучении содержательной стороны русского падежа уже сделано, поскольку исследование семантики и функционирования падежных форм имеет давнюю традицию. До сих пор не утратили своего значения наблюдения и выводы А.А. Потебни, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова. Считаю необходимым, в частности, специально подчеркнуть, что в наши дни рассмотрение проблем семантики падежа невозможно без обращения к трудам В.В. Виноградова, грамматическая концепция которого на протяжении нескольких десятилетий оказывает определяющее воздействие на развитие отечественной морфологической и синтаксической науки. В последующем изложении мы будем опираться на целый ряд положений, выдвинутых или же активно разрабатывавшихся В.В. Виноградовым: это прежде всего постулат о взаимообусловленности морфологии и синтаксиса (Виноградов В.В. 1972, с. 31*) и широкая трактовка модальности как одной из наиболее важных для функционирования языка семантических категорий (Виноградов В.В. 1975, с. 57 и др.).

В последние десятилетия в области изучения семантики русских падежей плодотворно работали Н.Ю. Шведова, Г.А. Золотова, З.Д. Попова, М.В. Всеволодова, И. Пете, К. Бабов, а на материале иных (славянских и неславянских) языков — К.И. Ходова, Е.В. Чешко, И.И. Ревзин, В. Барнетова, Е. Кржижкова, Т.В. Булыгина, Ю.Н. Караулов и другие исследователи.

*В дальнейшем все сноски на литературу, указанную в конце книги, будут даваться в тексте в скобках с указанием фамилии автора и года издания его работы.

Однако система лингвистических знаний, если воспользоваться удачной аналогией Г.О. Винокура, представляет собой целостное здание (Винокур Г.О. 1959, с. 418). Поэтому "перестройка" на каком-то из этажей этого здания часто безразлична для других его этажей или для всего здания в целом. В частности, современная теория падежного значения не может не учитывать тех принципиально важных достижений в области изучения смысловой и коммуникативной организации предложения, которыми ознаменовано развитие синтаксической науки последних лет. Вообще, как кажется, существует непосредственная, закономерная связь между прогрессом в области синтаксического анализа и оживлением интереса к "вечной" проблеме падежа. Так, основополагающие работы 30–40-х гг. нашего столетия по проблемам семантики падежей хронологически следуют за итоговыми синтаксическими описаниями (для русского языка таковыми являются фундаментальные исследования А.М. Пешковского и А.А. Шахматова). Современный уровень изученности синтаксической семантики (см. труды Н.Д. Арутюновой, В.А. Белошапковой, В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, Е.В. Падучевой, Н.Ю. Шведовой и др.) позволяет по-новому взглянуть на характер падежных значений. Определяющую роль для формирования концепции нашего исследования сыграли, в частности, идеи Н.Ю. Шведовой относительно влияния формальных показателей на характер семантической организации той или иной синтаксической конструкции (Шведова Н.Ю. 1973; 1974) и учение Г.А. Золотовой о синтаксеме как минимальной единице ("первоэлементе") синтаксического строя языка (Золотова Г.А. 1973; 1982).

Исключительно полезными для уточнения методов семантического анализа падежных форм оказываются также многие достижения современной теории словообразования, лексикологии, фонологии, стилистики, функциональной грамматики.

Под каким углом зрения рассматривается падеж в нашей работе?

Н.Ю. Шведова отмечает, что при систематическом описании грамматического строя падеж оказывается дважды объектом рассмотрения: как категория морфологии и как одно из средств формирования словосочетания и предложения (Шведова Н.Ю. 1978, с. 452). В описаниях семантики падежных форм падеж обычно рассматривается в его отношении к понятиям синтаксического строя. Этот аспект в необходимой мере затронут и в данной книге, поскольку иначе и нельзя изучать значения падежей. Однако главная цель работы – рассмотрение падежа как категорий морфологии. Это значит, что установление различий смысловых функций, закрепленных за одной и той же падежной формой, – важная, но лишь промежуточная задача работы. Отметим, в частности, проведенное в книге разграничение диктальных и модальных, денотативных и логических падежных функций, попытку отделения падежного значения от ком-

муникативной значимости падежа и ряд других положений работы. Однако основная задача работы заключается в рассмотрении принципов установления грамматической общности разных значений, группирующихся вокруг данной формы. Центральным понятием для нас является вводимое в работе понятие функционально-семантической парадигмы падежной формы как класса ее значений, закономерно чередующихся в соответствии с изменениями позиций, в которых выступает данная форма. Методика установления функционально-семантической парадигмы падежа в нашем исследовании восходит к "позиционному методу" изучения и описания языкового материала, в течение десятилетий разрабатываемому в рамках Московской грамматической школы (см., в частности, грамматические труды А.М. Пешковского, П.С. Кузнецова, В.Н. Сидорова, М.В. Панова и др.).

При таком подходе, естественно, большое внимание приходится уделять анализу как значений (их сходств и различий, возможности дифференциации и интеграции), так и контекста, его характеристик, релевантных для реализации того или иного значения. Иными словами, в работе проводится мысль о важности изучения падежных значений в их тесной связи с формальными, смысловыми и коммуникативными свойствами окружения падежной формы. Описание семантической парадигматики падежных форм представляет собой один из разделов функциональной грамматики русского языка в направлении "от средства (формы) к функции (значению)" (о важности такого подхода к языку см.: Бондарко А.В. 1984).

Вопрос о взаимодействии грамматической формы и контекста обсуждается в течение многих десятилетий и относится к числу наиболее сложных проблем языковедения. Автор не ставил перед собой непосильной задачи в равной мере решить все аспекты этого вопроса в отношении системы русских падежей. Многие здесь еще требует изучения, некоторые положения методики позиционного анализа падежной семантики лишь намечены, причем только на материале беспредложных падежей (система функционально-семантических парадигм предложно-падежных форм представляет собой предмет особого исследования). Наиболее подробно в работе рассмотрены значения двух падежей — номинатива и vokатива.

Автор глубоко признателен рецензентам книги П.А. Леканту и М.В. Всеволодовой, а также всем коллегам, прочитавшим книгу в рукописи: В.А. Белошапковой, Е.А. Брызгуновой, К.В. Горшковой, А.А. Камыниной, И.С. Коковой, О.Г. Ревзиной, Л.О. Чернейко и Т.В. Шмелевой — за конструктивные замечания и пожелания, которые были учтены при подготовке рукописи к печати.

ПАДЕЖНАЯ ФОРМА И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Формальные показатели падежа

Объектом нашего изучения является падежная форма имени существительного, предметом анализа – ее значение. Поскольку семантический аспект грамматики диалектически связан с формальным и функциональным, для дальнейшего изложения требуется хотя бы кратко охарактеризовать падежную форму во всех трех указанных аспектах.

Средством выражения падежных значений являются формальные показатели падежа. Будем различать два вида таких показателей: парадигматические и синтагматические (Клобуков Е.В. 1979, с. 54–73; 1982, с. 169–170). Парадигматические показатели – падежные флексии; их мена означает изменение падежной формы данного слова (*поднять руку / рукой; письмо друга / другу* и т.п.). Синтагматические показатели, к числу которых относятся грамматическая форма слов-атрибутов, согласуемых с данной падежной формой существительного, вторичны по отношению к парадигматическим. Они в большинстве случаев дублируют информацию о падежной форме данного существительного (ср.: *поднять свою руку / своей рукой*) и лишь иногда, если существительное несклоняемое или если оно опущено, являются единственным источником информации о падеже (*письмо военного атташе / военному атташе; К братьям относились в коллективе по-разному: старшего недолюбливали, младшим гордились*).

Отдельно следует сказать об отношении предлога к падежной форме. При традиционном, "узко морфологическом" подходе к описанию падежной системы (Якобсон Р.О. 1985) предлог рассматривается как нечто внешнее по отношению к падежной форме, как элемент внешнего контекста, управляющего падежом; с этой точки зрения предлог должен быть отнесен к числу показателей, с определенной степенью достоверности диагностирующих данную падежную форму. Ср.: *без + родительный падеж, через + винительный, перед + творительный*, но: *с + родительный, винительный и творительный: Пишу тебе в гостях с разбитой рукой: упал на льду не с лошади, а с лошадей; большая разница для моего наезднического самолюбия* (А.С. Пушкин – П. Вяземскому); *Кошка выросла (рядом) с собакой / (почти) с собаку* и т.п.

В последнее время получает распространение иной взгляд на соотношение падежной флексии и предлога, которые трактуются

как составные компоненты единого грамматического показателя (Богородицкий В.А. 1935, с. 223; Пешковский А.М. 1956, с. 59; Курилович Е. 1962; Ходова К.И. 1971; и др.). Высказывается мнение, что беспредложно- и предложно-падежные формы "представляют собой одну и ту же парадигму, члены которой соотносены друг с другом и не существуют друг без друга в языковой системе" (Попова З.Д. 1970, с. 2). Иногда даже предлагается рассматривать беспредложные падежные формы как разновидность предложных — с нулевым предлогом (Попова З.Д. 1969, с. 7). При такой трактовке структура категории падежа, естественно, предстанет в более сложном виде по сравнению с традиционной шестипадежной системой (см. об этом подробнее в последнем разделе данной главы); однако многие ученые полагают, что именно такой взгляд на падежную систему наиболее целесообразен при функциональном подходе к описанию грамматического строя. Если считать, что формы с предлогами и без предлогов образуют единую функциональную парадигму, то предлог предстанет как одно из парадигматических средств падежной системы наряду с флексией. Мена предлогов и флексии ведет к изменению падежной формы (в широком, функциональном, а не узко морфологическом понимании), что нередко обыгрывается в художественной литературе столкновением форм одного и того же имени в одном контексте, ср.: */Мать:/ А ведь можно жить и с людьми. И для людей. Ты не задумывалась?* (А. Володин). В данной работе рассматриваются преимущественно беспредложные падежные формы (представляющие собой центр падежной системы русского языка), что связано с принципиальной установкой на описание падежа в этой книге как одной из категорий морфологического (в обычном понимании) строя.

Функции падежной формы

Переходя от рассмотрения формальных показателей падежей к их семантическим характеристикам, необходимо подчеркнуть, что падеж имеет значение лишь в том случае, если он выполняет определенную функцию в составе единиц более высокого уровня. Прежде чем рассмотреть классификацию функций падежных форм, кратко охарактеризуем виды позиций, замещаемых падежными формами, поскольку известно, что функция падежа детерминирована позицией, которую падежная форма занимает по отношению к другим формам на синтагматической оси (ср.: "...согласно позиции определяется функция падежа". — Ходова К.И. 1973, с. 402). О соотношении понятий значения, функции и позиции см. в работах: Ходова К.И. 1963 (с. 21 и сл.), Золотова Г.А. 1973 (с. 8 и сл.), Слюсарева Н.А. 1981, Бондарко А.В. 1983 и др.

Позицию падежной формы можно определить как ее "местоположение" на синтагматической оси по отношению к другим

соотносительным лингвистическим объектам, как условие ее реализации (ср.: Ахманова О.С. 1966, с. 333). Понятие позиции более детально разработано для единиц фонологического уровня и менее детально — для единиц грамматики. Будем различать два основных типа факторов, влияющих на реализацию семантики грамматической формы: 1) внешний контекст и 2) внутренний контекст. На материале словообразовательных форм противопоставление внутреннего и внешнего контекста используется в работе И.С. Улуканова (Улуканов И.С. 1977, с. 91 и др.); применительно к падежным формам см. в работах: Клобуков Е.В. 1979, с. 90 и др.; Панов М.В. 1984, с. 210.

Внешний контекст для падежной формы — это подчиняющее ее окружение: управляющее имя или глагол (*жи́тели* → *Москвы*; *жи́ть* → *в Москве*) или же имя, с которым согласуется данная падежная форма (*го́род* → *герой*; *го́рода* → *героя* и т.п.), синтаксическая конструкция (*Ма́м!* ← *Иди сюда*) или связный текст (ср. позицию заголовка по отношению к тому тексту, который им предваряется). При этом важно не только (а) наличие-отсутствие тех или иных элементов окружения, но и (б) их грамматические и лексико-семантические свойства, которые оказывают влияние на появление той или иной падежной формы (ср.: *жи́тели, обитатели Москвы*, но *проживающие, живущие в Москве*) или на реализацию того или иного значения данной падежной формы (*восхищаться степью* и *есть степью*).

Внутренний контекст для падежной формы также складывается из двух типов явлений: а) подчиненное, грамматически зависимое окружение падежной формы, если оно релевантно для реализации того или иного значения; б) лексико-семантические и грамматические свойства существительного, принимающего данную падежную форму. Роль зависимого окружения очевидна в примерах типа: *ла́рец (рама, сервант и пр.) красного дере́ва* (невозможно без атрибута: **ла́рец дере́ва*). Значение лексико-семантических и грамматических свойств имени существительного, выступающего в данной падежной форме, для реализации значений данной формы можно показать на примерах типа *бе́гут у́тром / лесом / стрелой / (всем) классом; армия / смелость го́рода бере́т* и т.д.

Полное описание позиции, в которой реализуется та или иная падежная форма, то или иное ее значение, предполагает анализ взаимодействия обоих видов контекстов — и внутреннего, и внешнего.

И еще один важный момент теории позиционного варьирования грамматических форм требует своего уточнения. Речь идет о релевантности для реализации падежных значений такого явления, как порядок слов. В некоторых работах справедливо подчеркивается, что "...при возможном отсутствии связей между элементами, расположенными контактно, и при возможном

наличии связей между словами, не находящимися в контакте, определение грамматического контекста следует основывать на критерии ином, чем порядок слов" (Ходова К.И. 1973, с. 394). Действительно, контактность – дистантность расположения элементов контекста для семантики грамматических форм в языках с относительно свободным словопорядком несущественна; подробнее об этом см. в разделе "Значение падежа и его коммуникативная значимость".

Основная функция падежной формы – служить показателем минимальной единицы синтаксического строя – синтаксемы (см. о ней: Золотова Г.А. 1973, с. 10–123; Золотова Г.А. 1983, с. 3, 48 – 83; и др.). Синтаксема как минимальный синтаксически значимый компонент (синтаксический "первоэлемент") играет в предложении роль, аналогичную роли морфемы в структуре слова. Субстантивные синтаксемы – один из наиболее важных видов синтаксем; падежная флексия (или сочетание *предлог+флексия*) позволяет отграничить одну синтаксему от другой.

Для дальнейшего изложения необходимо введение следующего противопоставления синтаксем по их функциям.

Подобно тому как у любого слова, производного или непроизводного, есть корень – центральный элемент его формально-смысловой организации, есть аналогичный центр (конструктивное и смысловое ядро) и у предложения. Это синтаксическая основа, представляющая собой единство предикативного и номинативного "минимумов" предложения (о соотношении двух последних понятий см.: Белошапкова В.А. 1981, с. 438 и сл.). Основа предложения формируется или сочетанием нескольких синтаксем, среди них обычно как минимум одна синтаксема – субстантивная (ср.: *студент учится, Москва – столица; Иванов был начальником, Волга длиннее Дона; Мать гордится сыном* и другие примеры традиционных двусоставных предложений), или же состоит из одной синтаксемы (*Ночь*). См. список "структурных основ" предложения в Грамматике 1979 (т. 2, с. 681 и сл.).

Синтаксемы, формирующие синтаксическую основу предложения, можно назвать основными или ядерными синтаксемами, поскольку они формируют "синтаксическое ядро" предложения (ср.: Мурзин Л.Н. 1974, с. 55). Их важно отграничить от синтаксем иного порядка, сопоставимых по своей функции с деривационными компонентами слов. Деривационные синтаксемы распространяют синтаксическую основу, конкретизируя передаваемую ею информацию, или же являются присловными распространителями компонентов и детерминантов основы.

Основные (ядерные) синтаксемы противопоставлены деривационным синтаксемам по следующим признакам:

а) обязательность/факультативность в составе предложения (деривационные синтаксемы, подобно деривационным аффиксам,

факультативны; возможность конситуативного эллипсиса ядерных синтаксем для конструктивного синтаксиса несущественна);

б) степень смысловой значимости: деривационные синтаксемы обычно передают побочную, дополнительную информацию;

в) степень связанности с окружением: синтаксемы, формирующие синтаксическую основу предложения, — это, в терминологии Г.А. Золотовой, синтаксемы обусловленные (Золотова Г.А. 1983, с. 66); деривационные же синтаксемы, как это вытекает из признаков (а) и (б), достаточно свободно соединяются с предикативной основой предложения (или ее расширителями);

г) производимость/воспроизводимость в структуре предложения: деривационные синтаксемы относятся к производимой части предложения, а синтаксемы, формирующие основу, — к его воспроизводимой части. Ср.: "...В предложении есть и производимые и воспроизводимые говорящим элементы. Воспроизводятся как элементы структуры предложения... формы конститутивных членов предложения..." (Белошапкова В.А. 1981, с. 437);

д) отношение к грамматической парадигме предложения: деривационные синтаксемы не участвуют в выражении парадигматических (формообразовательных) отношений в синтаксисе; синтаксемы, входящие в основу, не только формируют эту основу, но и участвуют в образовании синтаксических форм одного и того же предложения, т.е. в формировании его грамматической парадигмы. Хрестоматийный пример такого рода — участие глагольных основных синтаксем в выражении парадигматических форм предложения, противопоставленных по объективно-модальным значениям (*мальчик читает / мальчик читал бы / мальчик читай...* и т.п.). Именные основные синтаксемы участвуют в выражении парадигматических отношений иного рода — по категориям активности/пассивности (*Почтальоны разносят письма / Письма разносятся почтальонами*), по произвольности/непроизвольности действия или состояния (*Ребенок не играет, не спит / Ребенку не играется, не спится*), по конкретности/обобщенности лица (*Ты их часто ждешь / Их часто ждешь*) и некоторых других; полный список парадигматических синтаксических категорий еще не выявлен в полном объеме (опыт установления набора грамматических категорий предложения см. в кн.: Ломтев Т.П. 1972).

Итак, самое главное функциональное противопоставление синтаксем — это противопоставление синтаксем ядерных (основных) и деривационных, или, что то же самое, синтаксем, формирующих центр предложения и его периферию.

Внутри синтаксем, формирующих основу предложения, можно в свою очередь выделить синтаксемы, участвующие в формировании синтаксической парадигмы предложения "изменительного" типа (*Сосед принес деньги / Деньги были принесены соседом*), и синтаксемы, не имеющие парадигматической значимости в этом смысле (*Ночь. Улица*).

Деривационные синтаксемы также будем делить на два типа: синтаксемы, распространяющие все предложение в целом (детерминанты, в терминологии Н.Ю. Шведовой) и синтаксемы, распространяющие один из компонентов предложения – центральный или периферийный (*Москва – столица нашей Родины; Сын соседей запел знакомую до слез "Катюшу" Матвея Блантера*).

Учет синтаксических функций весьма важен для семантического анализа падежных форм, поскольку есть прямая связь между функциональной характеристикой падежной формы и ее семантикой. Субстантивные синтаксемы, формирующие синтаксическую основу предложения, имеют обычно значение субъекта или объекта действия или отношения (ср.: *Сын зател молока; Волга длиннее Дона*). (Возможность рассмотрения объектных словоформ в качестве центральных в строе предложения обсуждалась в литературе и имеет под собой все основания при условии понимания основы предложения как номинативного, а не только предикативного, минимума, см.: Белошапкова В.А. 1981, с. 440.) Для падежей в синтактико-деривационной функции характерны иные значения – например, обстоятельственные (*Сын в тишине запел "Катюшу"*), субъективно-модальные (*Сосед, к счастью, выздоровел*) и некоторые другие.

Таким образом, синтаксические функции падежей мы соотносим прежде всего с ролью субстантивных синтаксем в организации предложения (ср.: "Исходя из общей коммуникативной функции синтаксиса, определим функцию синтаксических единиц как роль их в построении коммуникативной единицы – предложения". – Золотова Г.А. 1973, с. 9). Такой подход существенно отличается от широко распространенного теперь подхода к анализу падежей в русле синтаксиса слова, когда "определение значений падежных форм осуществляется прежде всего и в первую очередь... на уровне зависимостей между словами и возникающих здесь отношений" (Грамматика 1970, с. 327). С этой точки зрения конструктивные возможности и функции падежных форм в сфере синтаксиса предложения трактуются как производные от "основных и первичных значений", реализуемых на уровне межсловных зависимостей (Там же).

Наиболее последовательно данный подход (от синтаксиса слова) проведен в трудах Н.Ю. Шведовой, вводящей разграничение присловных и неприсловных падежей. Присловные падежи употреблены в присловных позициях – в словосочетании: "Это те позиции, которые показываются при слове в словарях как сигналы его сильной интенции, а также те позиции, которые открыты для реализации его слабых интенций и поэтому в словарях показываются нерегулярно". Ср.: *ждать письма, приехать пятого мая* (Шведова Н.Ю. 1978, с. 456).

Присловным падежам противопоставлены падежи неприсловные, которые занимают одну из следующих трех позиций:

а) "позицию обязательного компонента предложения – его глав-

ного члена или одного из его главных членов". Ср.: *Тишина; Студент читает*; б) "позицию непосредственного распространителя внутреннего состава предложения, не предопределенную категориальными свойствами слова (например, в случаях типа *Проект разработан инженерами*, где форма творительного падежа с агентивным значением предопределена законами построения пассивной конструкции, а не свойствами слова *разработать*); в) "позицию распространителя предложения в целом – его детерминанта" (Там же). Ср.: *Для миллионов пар регистрация брака – не канцелярская бумажка; На часах было начало одиннадцатого* и т.п.

Как пишет Н.Ю. Шведова, присловная позиция противопоставлена неприсловной "как такая позиция, которая может быть занята падежной формой "до предложения": каждое отдельно взятое слово в определенном своем лексическом значении, во всей системе своих форм, есть единица, обладающая собственным синтаксическим потенциалом... Конечно, присловные позиции падежных форм при анализе берутся из предложения (хотя методологически совершенно правомерно установление этих позиций на основании "синтаксических импульсов", идущих непосредственно от слова); но существенно то, что значения присловного падежа имеют свою собственную организацию, и ни эта организация, ни сами эти значения не совпадают полностью со значениями и организацией падежей неприсловных" (Там же).

Итак, в фокусе данной концепции падежного значения – слово и его синтаксические потенции.

Покажем для примера отличия в интерпретации одного и того же языкового материала, обусловленные выбором исходной концепции функций падежных форм. Согласно Грамматике 1980 (т. 2, с. 428) в сочетаниях типа *приехать пятого мая* и *хотеть чаю* реализованы разновидности присловного употребления родительного падежа. С нашей точки зрения, в примере *приехать пятого мая* родительный падеж употреблен в роли дери-вационного распространителя предиката, а в примере *хотеть чаю* он входит в состав "синтаксического ядра" предложения, поскольку называет один из двух необходимых актантов при предикате отношения *хотеть*. Другой пример: в словосочетаниях типа *умнее брата, исполниться негодования, достойный награды* и т.п. родительный падеж с точки зрения Грамматики 1980 (т. 2, с. 427) не имеет какого-либо семантического значения, он лишь информативно восполняет лексические значения слов, формально подчиняющих себе данные падежные формы. Однако на фоне смысловой организации предложения названные падежные формы имеют свою вполне определенную семантику: так, форма *брата* в контекстах типа *Иван умнее брата* означает предмет сравнения при предикатах отношения, предполагающих два взаимообусловленных актанта.

Итак, уже приведенные примеры показывают, что подход к семантике падежа с ориентацией на синтаксис слова и на синтаксис предложения приводит к различным результатам. Мы выбираем подход от предложения, поскольку, как было показано выше, он позволяет, в частности, установить вполне конкретное значение у падежной формы, не поддающейся семантической интерпретации при ее рассмотрении в рамках синтаксиса слова.

В качестве "допредложенческих" употреблений падежей (т.е. употреблений, не выводимых непосредственно из явлений формальной структуры предложения, его парадигматики и деривационных свойств) мы будем рассматривать только такие случаи, когда падежная форма не является самостоятельной синтаксемой и поэтому не имеет функциональной значимости на уровне предложения, ср.: *чувство ярости (любви, долга); иметь значение, играть роль, выразить приветствие* и т.п. Подобные комплексные номинации составляют одну целостную синтаксему, они сопоставимы с простыми (словными) номинациями: *Он испытал чувство ярости / ярость; Директор выразил приветствие / поприветствовал* и т.д. Изучение допредложенческих функций падежа как составного компонента минимальных единиц в структуре предложения (синтаксем) еще не заняло должного места в исследованиях, посвященных функционированию падежа. Между тем очевидно, что в примерах, подобных приведенным только что, имеет место особый класс позиций, принципиально отличающийся от позиций, занимаемых падежными формами в роли самостоятельных синтаксем.

Учитывая сказанное, будем разграничивать предложенческие позиции падежных форм, когда падеж функционирует в предложении как самостоятельная синтаксема, и позиции допредложенческие, когда падежные формы не имеют статуса синтаксем, участвуя в формировании этих минимальных компонентов формально-смысловой организации предложения.

Есть у падежей и постпредложенческие позиции на уровне текста. Таковы позиции падежных форм в функции заголовка (ср.: *Человек; Про это; Клоп; Баня* — названия poem и пьес В. Маяковского), в функции связующего средства по отношению к отдельным частям текста и т.п. (см., в частности, анализ текстовых позиций и соответственно функций номинатива в третьей главе книги, с. 102 и сл.).

Бывают у падежных форм также особые случаи изолированного употребления — вне предложения, не в структуре синтаксемы и не в качестве компонента связного текста. Это употребление имен существительных в роли "ярлыков" при тех или иных объектах внеязыковой действительности, ср. вывески: *Лейпциг, Ядран, Промтовары* (магазины); *Витязь, Звездный* (кинотеатры) и т.п. Это четвертый класс позиций, характерный в основном для номинатива (см. ниже, с. 103).

Итак, присловным и неприсловным употреблением падежных форм в предложении не исчерпывается все многообразие позиций, занимаемых падежными формами (хотя следует, безусловно, признать, что именно употребление падежей в составе предложения составляет основу их функционирования). Необходимо разграничивать четыре класса позиций: 1) в структуре предложения; 2) в составе его минимально структурно-смысловой части — синтаксемы; 3) на уровне текста и 4) вне какого бы то ни было языкового окружения. Названные классы разбиваются на более частные типы позиций (см. подробнее на с. 79–82).

Поскольку синтаксические функции падежа всецело предопределены его позицией, в специальной литературе часто тот или иной тип позиций и соответствующий тип функций получают одинаковое название: говорят о позиции детерминанта и детерминантной функции падежной формы, о позиции и функции присловного распространителя. Подобное терминопотребление обычно не приводит к недоразумениям. То же можно сказать и о возможностях употребления многозначного термина *функция*: в одних контекстах этим термином обозначается структурно-синтаксическая роль падежа в организации предложения и текста, в других — частное падежное значение, семантико-синтаксическая роль падежа в формировании смысловой организации синтаксических единиц (говорят о семантико-синтаксических функциях субъекта, объекта, причины и пр.). Многозначность термина *функция* в таких случаях снимается контекстом.

Каждому из типов синтаксических функций падежа соответствует свой набор падежных значений.

СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА

Специфическая черта категории падежа — ее многочленность. Среди морфологических категорий русского языка преобладают категории двучленные (ср. число, одушевленность, вид, залог) и трехчленные (наклонение, время, лицо, степени сравнения). Падеж объединяет не менее шести противопоставленных категориальных форм (шестипадежная схема наиболее широко распространена в грамматических описаниях русского языка, хотя и не является единственной). Думается, что в количественных отличиях падежа от других категорий отражаются некоторые существенные качественные его характеристики, в частности особая сложность и гибкость семантики.

Решение вопроса о количестве падежных форм имеет самое непосредственное отношение к изучению семантики падежа, хотя вряд ли существует прямая связь между количеством падежей в языке и количеством падежных значений (ср. соотношение, устанавливаемое в Грамматике 1970, с. 326: "Категорию падежа образуют 6 грамматических значений, или 6 падежей").

Взаимосвязь между разработкой проблем формальной организации падежа и решением вопросов смысловой организации этой категории представляется в следующем виде: чем больше выделяется падежей, тем проще описание семантики каждого из падежей, поскольку меньшее количество разнородных значений придется соотносить с одной падежной формой. И напротив, чем экономнее описание формального плана падежа, тем больше затруднений представляет описание его содержательной стороны. Ясно, что при опоре на традиционную шестипадежную схему круг частных значений, к примеру, родительного падежа предстает иначе, нежели с выделением дополнительных падежей – “второго родительного” (партитива) и “третьего родительного” (счетного падежа). Поэтому необходимо хотя бы кратко остановиться на проблеме количества падежей в русском языке.

Для разработки современной методики установления числа падежей большую роль сыграли работы А.М. Пешковского. “...Под отдельным падежом существительного, – писал Пешковский, – мы понимаем ряд форм, объединенный комплексом разнородных, но одинаково повторяющихся в каждой из этих форм значений и имеющий хотя бы в части этих форм собственную звуковую характеристику...” (Пешковский А.М. 1956, с. 290). Например, “родительный падеж есть не что иное, как синтаксическое равенство нескольких, совершенно различных по звукам, форм (*мыс¹, осла, лошади – лис, ослов, лошадей*)” (Пешковский А.М. 1959, с. 46).

Для осознания “синтаксического равенства” одного и того же падежа у разных слов А.М. Пешковский рекомендует использовать метод “фразного склонения” или “фразных шаблонов” – подстановки словоформ разных слов в специально подобранные контексты (Пешковский А.М. 1959, с. 48):

Им.п.	<i>у меня есть...</i>	
род.п.	<i>у меня нет...</i>	
дат.п.	<i>я иду к...</i>	и т.п.

В конце 50-х годов В.А. Успенский предложил формальную процедуру установления падежей, развивающую устные высказывания академика А.Н. Колмогорова (Успенский В.А. 1957). Интересно, что в методике “фразного склонения” Пешковского и методике установления падежей по Колмогорову–Успенскому (см. также: Зализняк А.А. 1967, с. 42–44; Гладкий А.В. 1973) обнаруживается целый ряд общих моментов, вплоть до совпадения диагностических контекстов. Применение обеих методик убедительно доказывает объективность существования шести традиционно выделяемых падежей – именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и предложного. Гораздо большего внимания требует выделение других, дополнительных падежей, о которых писали А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, А.А. Зализняк и др.

Местный падеж (второй предложный, локатив) устанавливается благодаря контекстам типа *Они находятся в ... (шкафу, лесу, печи)* и *Они находятся на ... (луку, берегу, печи)*, см.: Пешковский А.М. 1923, с. 133; Зализняк А.А. 1967, с. 43–44; ср. формы предложного падежа от тех же существительных: *Я думаю о шкафе, лесе, печи*.

По данным А.А. Зализняка, общее количество слов, образующих особую форму местного падежа, – около 150 (в том числе 25 слов типа *печь, бровь, кровь*, у которых форма местного падежа образуется не особой флексией, а мерой ударения; см.: Зализняк А.А. 1967, с. 286–287; см. также: Грамматика 1980, т. 1, с. 488). Для подавляющего большинства русских существительных формы предложного и местного падежей омонимичны. Ср.: *Они находятся в стране, селе, городе* и *Я думаю о стране, селе, городе*.

Тем не менее количественное соотношение имен с формально дифференцированными и недифференцированными формами названных падежей для данной процедуры установления падежей несущественно; коль скоро нельзя сказать по-русски * *находиться в лесе, на луке, в степи* (как и * *говорить о лесу, о луке, о степи*), значит, предложный и местный падежи – самостоятельные, хотя и слабо дифференцированные формы русского языка (см.: Зализняк А.А. 1973, с. 76–80).

Партитивный (второй родительный) падеж устанавливается в контекстах типа *У меня нет... чая, сахара, винограда* и т.п. (см.: Зализняк А.А. 1967, с. 44: важное уточнение к методике “фразного склонения” А.М. Пешковского, ошибочно полагавшего, что данный контекст диагностирует не партитив, а родительный падеж). Как и местный падеж, партитив относится к числу “слабо дифференцированных падежей”, поскольку формально противопоставлен родительному падежу лишь у некоторых существительных мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже ед.ч., “называющих неодушевленные предметы, не поддающиеся счету” (Грамматика 1980, т. 1, с. 486). Общее число существительных с формально дифференцированным партитивом, согласно данным А.А. Зализняка, приближается к 370 (среди них 29 деминутивов типа *чайк, кофеёк, огонёк*, у которых образование родительного падежа с окончанием –а невозможно или затруднено, см.: Зализняк А.А. 1967, с. 282–283). Хотя количество существительных, образующих особую форму партитива, значительно больше, чем число слов с особой формой местного падежа, в литературе неоднократно подчеркивалось, что ситуация с выделением партитива в русском языке сложнее, чем с выделением местного падежа, поскольку, помимо своей слабой дифференцированности, партитив характеризуется еще свойством факультативности, которое А.А. Зализняк формулирует следующим образом: в любой фразе всякая словоформа партитива может быть заменена родительным падежом без изменения смысла фразы (см.: Зализняк А.А. 1973, с. 80).